

Алексей Налепин
Татьяна Померанская

Путь и судьба Александра Вановского

1959 год

*Это меня связал во время
подъема на вулкан Митара-Яма,
который находится на острове
Ошима.*

Алексей Леонидович Налепин – доктор филологических наук, главный редактор историко-культурного альманаха «Российский архив». Лауреат Государственной премии Российской Федерации.
Татьяна Владимировна Померанская – ведущий редактор альманаха «Российский архив».

Имена многих выдающихся представителей русской научной и культурной интеллигенции, волею судеб оказавшихся за пределами России, широко известны. Имена других стали звучать лишь в последние годы благодаря усилиям отечественных исследователей.

В 1994 г. в 5-м выпуске «Российского Архива» обнародованы документы, относящиеся к жизни Александра Алексеевича Вановского (публикация Е.Бронниковой). Эта публикация получила продолжение, выявив круг лиц, так или иначе связанных с его судьбой. Откликнулись исследователи из Японии, США, отыскалась племянница А.А. Вановского – Мира Мстиславовна Яковенко, дочь брата жены Александра Алексеевича – Веры Владимировны Вановской (урожденной Яковенко). Хранящиеся у них архивные материалы позволили по-новому взглянуть на необычную судьбу оригинального русского мыслителя, органично соединившего в своем творчестве Россию, Восток и Запад.

Александр Алексеевич Вановский был известен советской исторической науке как один из девяти делегатов I съезда РСДРП, проходившего в 1898 г. в Минске. Правда, в мемуарной литературе и научных исследованиях его постоянно путали и путают то с братом Виктором (тоже известным революционером), то с военным министром П.С. Ванновским.

А.А. Вановский (1874-1967) окончил 3-й Московский кадетский корпус, но оставил в 1897 г. военную службу и поступил в Московское техническое училище. В 1898 г. стал одним из организаторов Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (от Союза он и был послан делегатом на съезд в Минск). В конце 1898 г. был арестован и сослан в Вологду, где познакомился с Н.А. Бердяевым, А.М. Ремизовым, Б.В. Савиновым. В конце жизни Вановский вспоминал: «Город был набит ссыльной интеллигенцией, и действительно представлял собой Северные Афины, как мы его в то время называли. Всего больше было социал-демократов, затем шли социал-революционеры, а за ними политически неопределенные лица... Тронулись реки, а вместе с ними вниз по Сухоне тронулись и мы, ссыльные, получившие назначения в разные города обширной губернии. Нас провожали. Некоторые из уезжавших завидовали остающимся в городе, но я - нисколько, так как меня, точно путешественника, тянуло повидать новые, отдаленные места... Я поступил на должность земского техника. Я чинил старые дороги, проводил новые, сооружал мосты, строил школы и больницы. Служба была мне по душе, тем более что она давала возможность разъезжать за казенный счет по всему огромному уезду и охотиться всюду, где заблагорассудится».

После окончания ссылки опять была подпольная работа в Ярославле и Рыбинске, активное участие в боевой группе при ЦК РСДРП, участие в военном восстании в Киеве, декабрьском вооруженном восстании в Москве, близкое знакомство с В.И. Лениным,

А.А. Вановский с семьей

А.А. Вановский в 1898 г.

и, наконец, — создание Московского военнотехнического бюро — сверхсекретной подпольной организации, занимавшейся военной и технической подготовкой вооруженного восстания. Вановский руководил разработкой новых видов оружия, в том числе ракет.

В 1906 г. Вановский написал книгу «Тактика уличного боя», ставшую весьма популярной у боевиков. В 1917 г., например, штаб Красной гвардии использовал ее для составления плана вооруженного восстания в Москве, а во второй половине XX века книга, переведенная на испанский, стала едва ли не главным учебным пособием для участников различных левачьих группировок в странах Латинской Америки. Несмотря на все старания, полиции не удалось обнаружить ни автора, ни типографии, ни тиража «Тактики уличного боя». После поражения революции, не имея возможности легализоваться (за

**А.А.Вановский в гриме,
когда он был на нелегальном положении**

московские события его ждала виселица, а за восстание в Киеве военно-полевой суд, т.е. расстрел) Вановский на долгие десять лет уходит в глубокое подполье.

Эти годы стали переломными в его судьбе. Разочаровавшись в идее насильственного переустройства мира, бывший боевик Вановский признавался: «Я на политику и общественную жизнь ставлю крест... Я не могу заниматься делом, раз вижу, что оно безнадежно... Однако я не могу заглушить в себе какого-то беспокойства, тоски, желания искать лучшее, потерянное; видно, с этой неудовлетворенностью я останусь навсегда».

В поисках истинного пути человечества Вановский обращается к христианству. В своих воспоминаниях, написанных полвека спустя в Японии, он так определил эволюцию своего мировоззрения: «Я без малого провел 13 лет в рядах социал-демократической партии, борющейся с царским правительством за «свободы» и демократию. Но никто не предсказал мне, что после 1905 года у меня явятся религиозно-философские интересы, несовместимые с марксистским пониманием истории. Я пришел к религии не через Библию и не через Канта, как Бердяев, а совершенно иным путем. Ныне коммунистическое движение уперлось в проблему нового гражданина социалистического общества, которую оно пытается разрешить средствами массового террора и психофизического насилия над личностью человека. Та

же задача встала предо мной тогда, ибо я понял, что социализм немислим без нового человека, и в поисках этого нового человека я занялся изучением трагедии, предметом которой является новое рождение (имеется в виду трагедия Шекспира «Гамлет» - *Авт.*). Как возможно такое духовное возрождение человека, при котором он, сохраняя свою индивидуальность, свободно будет сливать свои личные интересы с интересами общества в целом? На этом пути я обратился к Христу как к человеку, поднявшемуся в процессе трагедии на божественную высоту, при сохранении своей Индивидуальности, свободно слившему свои интересы с интересами всего человечества».

В 1914 г. Вановский решил легализоваться и пойти на фронт, но его одолевали сомнения: «военное начальство ведь может знать о моих «похождениях» и, если я явлюсь, то вместо фронта могу попасть на эшафот. Я долго мучился нерешительностью, но чувство патриотизма взяло верх. Меня выручила путаница, которая царил в военном ведомстве — меня (давно уже) путали с каким-то чиновником». В ноябре 1914 г. Вановский получил должность младшего офицера 7-й роты 84-го пехотного запасного полка, а 8 марта 1916 г. за военные заслуги социал-демократ, находящийся к тому же на нелегальном положении, был награжден орденом Анны III степени с мечами и бантом и направлен в офицерскую электротехническую школу. Его откомандировали в Хабаровск и назначили начальником радиостанции. В революционные дни 1917 г. Александр Алексеевич избирается в Хабаровский Совет рабочих и солдатских депутатов, но в 1919 г. заболевает тяжелым нервным расстройством и уезжает в Японию для лечения.

В 1918 г. в Хабаровске вышла в свет небольшая книжка Вановского «Знамя возрождения» — своеобразный прощальный манифест, где он призывает к прекращению братоубийственной войны, видя спасение только в религии: «Мы истекаем кровью гражданской войны и взаимной ненависти, и никакая сила не может спасти нас от грядущего рабства. Спасение единственно в обращении к заступничеству Небесной Водительницы. И если мы поймем, что великое будущее нашей страны требует от нас великого единения в борьбе за гражданина нового, действительно трудового общества, в котором «нести ни эллин, ни иудей», «ни пролетарий, ни буржуй», а есть только работники духа, творцы общечеловеческих ценностей, то мы поймем также и бессмыслицу кровавого хаоса, в котором пребываем, и найдем средство к его преодолению. Все

существующие политические партии, как отравленные при самом своем зарождении затхлым воздухом старого мира, пропитанные мракобесием, нигилизмом, обывательским эгоизмом и человеконенавистничеством — большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, монархисты, анархисты — должны пройти сквозь пламя борьбы за личность, все должны вывариться в котле творческого духа». И далее: «наши доморожденные Моисеи связывают борьбу за материальные интересы с разнужданием в человеке зверя, а не с борьбой за личность».

Существует легенда: Вановский неожиданно покинул Россию, потому что увидел вещий сон — будто бы распустился огромный красивый цветок на фоне прекрасной белоснежной горы, из цветка вышла прекрасная японка и поманила его к себе. Говорили также, что, приехав в Японию, Вановский поселился у подножия Фудзиямы и стал вести жизнь отшельника, основав что-то вроде мистической религиозной секты, имел множество последователей среди японцев. На самом деле все было гораздо прозаичней: он стал преподавать русскую литературу в Токийском университете и занялся изучением восточных философий и религий.

В Японии Вановский прожил около пятидесяти лет, он был профессором нескольких университетов, в том числе университета Васэда. Его вклад в становление японской русистики значителен, что признают и японские исследователи. В 1934 г. в парижском журнале «Путь» опубликован его доклад «Мифология Кодзики и Библия», который являлся частью большого труда, посвященного сравнительному анализу мифологии Кодзики и пер-

2 сент. 65.

Дорогая Мира

Я был очень рад узнать из твоего письма, что с Оксаной всё благополучно, и что у Нюны родилась дочка-Вера. Жаль только, что Ты не сообщила мне новой фамилии Нюны.

Выходит, что я уже не дедушка, а пра-дедушка! Однако я совсем себе не чувствую себя таким глубоким стариком, каким должен быть пра-дедушка.

Книжка Аншара я еще не получил. Если это биография Шекспира со множеством иллюстраций, то она у меня есть. Можешь не присылать, а оставив себе.

2

В Москве вышла книжка сейчас же о трагедии «Гамлет». Но фамилия автора ее я забыл. Вот эту книжку мне бы хотелось иметь. В ответ автору я послал своего Шекспира с надписью. Вставь только я надпись его фамилия. Кроме того я уже послал тебе свою книгу о мифологии Кодзики.

Лето я провел в горах и на даче возвращаясь в Токио. Там еще жарко, но вечера прохладные. Послал тебе фотопортрет горного пейзажа, в котором я прожил лето.

Тюка все хорошо. Сердечный привет твоему Папе и Саввику. Книжечка Зоэ Киско лаская.

Твоя любящая дедка А. Вановский

Письмо А.А. Вановского к М.М. Яковенко

вых шести глав книги Бытия и Апокалипсиса. Позднее многие выводы доклада вошли в фундаментальную книгу Вановского «Кодзики. Вулканы и Солнце», где он впервые проанализировал японскую и европейскую мифологические системы.

В середине 30-х гг. Вановский публикует работу «Зеркало судьбы», посвященную вещему сну пушкинской Татьяны. Пережив нелегкие годы Второй мировой войны (он был интернирован как иностранец в лагерь), Александр Алексеевич дождался лучших дней: его книги и статьи начинают активно печатать, он становится преподавателем русского языка на курсах при МИДе Японии, что значительно улучшило его материальное

положение. В 1965 г. выходит его самая известная книга «Третий завет и Апокалипсис», с посвящением «Светлой памяти моего друга и учителя Николая Александровича Бердяева». Путь Вановского к христианству был самобытен и нетрадиционен, и все же книга «Третий Завет и Апокалипсис» во многом созвучна идеям С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, В.В.Розанова, Д.С.Мережковского.

Как итог творческих исканий Вановского, в 1962 г. на английском языке была издана книга «Путь Иисуса от иудаизма к христианству (обнаружение скрытого иудейского сюжета в трагедии «Гамлет»)». Это самая неудобная для восприятия книга: ведь за образом Гамлета для Вановского встает образ Христа, тем самым трагедия обретает вторую, потаенную, смысл.

Постоянной целью мыслителя был поиск ответа на вопрос, каким должен быть человек, чтобы на земле могло состояться справедливое общество. В предисловии к книге он отмечал: «С мироощущением революционера подошел я к Шекспиру, и оно поддерживало меня в борьбе с веками, ревниво оберегающими свои тайны. Я понял трагедию как революцию духа, в которой Логос, стремясь к воплощению в героя, выступает в качестве новатора, разрушающего древний

храм иудаизма и воздвигающего новый храм христианской религии».

И в заключение отрывок из письма друга А.А.Вановского Сабуро Симано к М.М.Яковенко: «Как у Александра Алексеевича была своя философия и своя вера, так и у меня своя философия, свое мировоззрение. Мы разнились между собой по некоторым вопросам в этой области, но, конечно, это несколько не мешало нашей крепкой дружбе, потому что мы были — это самое главное — духовно близки. Мы оба хорошо знали, что человек окружен со всех сторон «Великой Неизвестностью», что древними мудрецами называлось «Неизвестным Богом»...

Судьба оказалась жестока к Александру Алексеевичу. Ему бы умереть в России, в окружении любимых и любящих людей, а он умер даже не дома, в своей любимой квартире, где на стене висела икона и от всего уклада веяло чем-то неизменно русским.

Из-за чего так случилось? По воле неизвестного никому бога? Не знаю. Не дано знать... Так как Александр Алексеевич хотел после земной жизни поселиться около горы, Виштак-сан, считаясь с его желанием, похоронил его останки у подножия горы Такао, что недалеко от Токио».

Было Вановскому 93 года.

Могила
А.А.Вановского
близ Токио

Редакция благодарит М.М.Яковенко за предоставленные фотографии и другие уникальные материалы, публикуемые впервые.

Российский архив. Т. 5. М., 1994.

Яковенко М.М. Мечтатель. Повесть о А.А.Вановском. М., 1999.

Кодзика. Свиток I. — СПб.: Кристалл, 2000. // 10 00-30/190-2

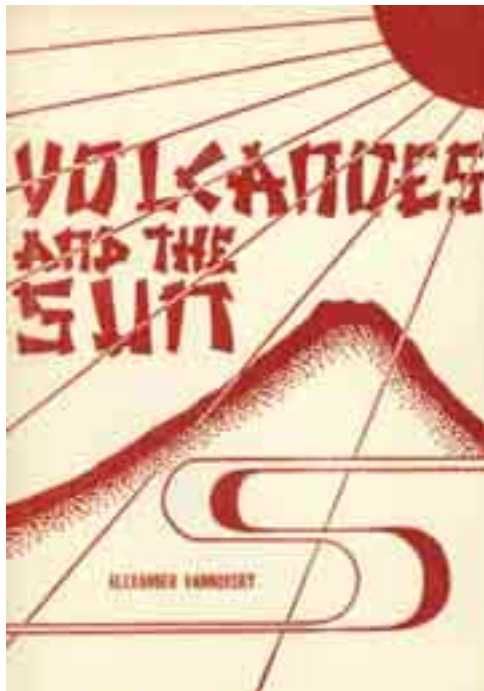
Палиевский П.В. Пушкинское эхо из Японии. Родная Кубань, 1999, № 2.

Александр Вановский

МИФОЛОГИЯ КОДЗИКИ

Доклад, читанный в японском обществе «МЕЙДЗИ»,
в Токио, 26 апреля 1932 г.

И БИБЛИЯ

Обложка книги А.А.Вановского
«Вулканы и солнце»,
завершающей исследования,
начатые этим докладом

Вместо предисловия

Настоящий доклад представляет собой извлечение из моей неопубликованной работы, посвященной сравнительному анализу мифологии Кодзики и Библии, или, точнее говоря, — первых шести глав книги Бытия и Апокалипсиса.

Я подхожу к Кодзики не как к этнографическому материалу, а как к художественному произведению, и потому для меня на первом плане стоит вопрос об установлении сюжета и о психологической стороне действия.

Правда, между мифом и поэзией существует различие, проистекающее из коллективного характера мифотворчества. Но все же, в конце концов, миф и поэтическое произведение развиваются из общего корня — из стремления человека осознать свое мироощущение, выражаемое в образах и символах.

Вот это — то внутреннее родство мифа и поэзии и является исходным моментом моего исследования, позволяя мне пользоваться приемами психологического анализа.

С точки зрения сюжета Кодзики представляют собой развитие борьбы двух противоположных начал — начала организующего, отождествляемого со светом и начала хаотического, отождествляемого с тьмой.

Сквозь все события мифа проходит эта идея, и она же является ключом к психологии действующих лиц.

Кодзики, можно сказать, это поэма, прологом которой является миф о творении. В этом отношении они могут быть сопоставлены с событиями первых шести глав книги Бытия, также примыкающими к рассказу о сотворении мира. Поэтому я и начинаю свою работу с анализа рассказов о творении, в образах которых уже предвосхищается идейное содержание последующих мотивов.

Текст доклада воспроизводится по публикации в журнале "Путь" (Париж), № 42, 1934 г. Правописание приведено в соответствии с современными нормами.

I

Миф о творении, как он изложен в Кодзики, говорит нам не только о возникновении Вселенной, но и о происхождении самих богов-творцов. Это слияние двух различных повествований придает мифу особую сложность и загадочность. «В начале неба и земли появились в стране Такама-но-хара боги — имена их: Аме-но-минака-нуси-но-ками, затем Таками-мусуби-не-ками, затем Ками-мусуби-но-ками».

Таковы начальные слова мифа, вызывающие вопрос — что это за страна Такама-но-хара, где появляются первые боги?

Проф. Цуда полагает, что место появления главных богов не имеет ничего общего со страной Такама-но-хара, «равниной высокого неба», полученной богиней Аматерасу в удел.

Правильней сказать, что речь идет об одной и той же стране, но только взятой в различные моменты ее развития.

Сказано — «В начале неба и земли появились в стране Такама-но-хара боги...» — это значит, что боги появились в то время, когда не было еще ни неба, ни земли, а было лишь царство хаоса и в нем два обособившихся центра — страна Такама-но-хара и страна Иоми.

В связи с последней проф. Цуда задается вопросом: «Страна тьмы предполагает существование над собой страны света, как это могло быть, когда еще не было солнца?»

Подобные каверзные вопросы задают обычно христианским священникам, когда хотят поставить их в тупик, ибо противоречие это присуще и Библии.

В главе о творении мира говорится, что Бог создал свет в первый день, а солнце в четвертый.

Весь секрет в том, что древний человек представлял себе бытие света независимо от источника света, чего мы себе представить не можем. Он мыслил свет, как самобытную стихию, содержащуюся в недрах хаоса в смешении с другими стихиями. Светило поэто-

му представлялось ему не раскаленным телом, а сущностью, состоящей единственно из чистого, как бы сгущенного света.

Мысль о самобытности стихии света наглядно выражается в третьей книге Ездры, входящей в состав Библии — «Тогда повелел Ты из сокровищниц Твоих выйти обильному свету, чтобы явилось дело Твое.» (3 Ездры. 6: 40).

Таким образом, свет в рассеянном виде существовал до появления солнца, подобно тому, как суша содержалась в бездне, до рождения земли.

На последнее указывает сам способ создания острова Онокородзима из капли, капнувшей с жезла, которым боги перед тем мешали пучину и,

как сказано в мифе, «сгустили морскую воду».

Итак, мы должны утвердительно ответить на вопрос проф. Цуда — бытие страны Иоми действительно заставляет предполагать над ней существование страны света, еще до рождения небесного светила. Такой страной света и является страна Такама-но-хара — родина богов-творцов.

Сам факт её существования говорит нам о том, что из недр сумрачного хаоса, похожего на полудикую «Медузу», возникла стихия света, и что это непокорное начало отделилось от стихии тьмы, сосредоточившейся в стране вечной ночи.

В Библии творение мира также начинается созданием света и отделением его от тьмы.

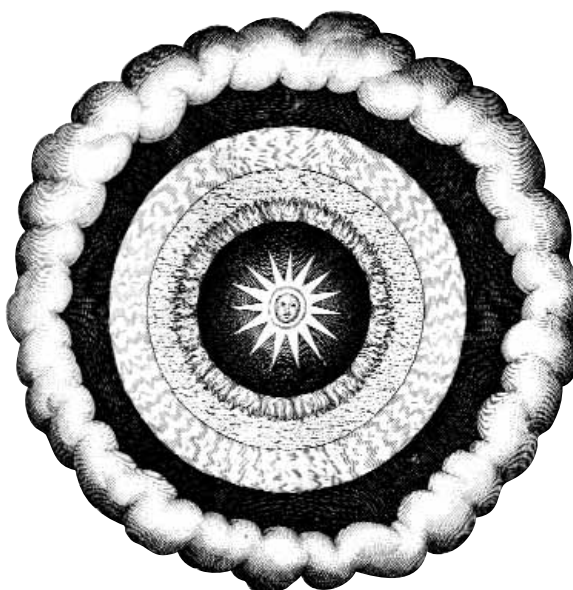
«И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы.

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один». (Быт. 1: 3–5).

Критика давно указывала на несообразность того обстоятельства, что здесь употребляются выражения «день» и «ночь» — тогда как солнце, обуславливающее собой разделение суток, появляется гораздо позже.

Проф. В.Ильин замечает по этому поводу: «... еврейское слово йем ... означает то, что мы ныне называем «днем» — по еврейскому счету сутки от вечера до вечера. Это видно из

библейских выражений: «И был вечер и было утро» день такой-то. Но в то же время отсутствие солнца, луны и звезд в первые «три дня» решительно исключает буквальное понимание слова «день» в смысле современных «суток».

Совершенно нелепо предполагать, чтобы это затруднение мог не заметить, во всяком случае, гениальный автор Книги Бытия.

Тем более, что, говоря о четвертом дне, он указывает на светила как на средство различения времени, дней и годов...»*

Выход из противоречия названный ученый видит в том, чтобы рассмотреть библейский «день» как своего рода эпоху, период, тем более, что по-еврейски «йем» — значит не только «день», но и период неопределенной длительности.

Проф. Бенет, разделяющий подобный взгляд, распространяет его и на начальные слова 5-го стиха, в силу чего получается такое чтение: «Бог дал периоду света название дня»**.

Все это безусловно справедливо по отношению к счету дней творения, но совершенно очевидно, что при наименовании света «днем», а тьмы «ночью», выражения эти употреблены не для обозначения периода творения, а в каком-то другом смысле.

Спрашивается — в каком же именно смысле?

Метод творения заключается в том, что стихии, обретающиеся в недрах хаоса в слитном состоянии, разъединяются и организуются в новые сущности.

Сообразно сказанному — свет извлекается из недр хаоса, как из некоей сокровищницы, в силу чего часть хаоса погружается во тьму. И так как хаос наполнил собой все мировое пространство, то ясно, что отделение света от тьмы связывается здесь с обособлением про-

странства, наполненного светом, от пространства, наполненного тьмой.

И вот именно этим-то двум различным пространствам, а совсем не периодам, как то полагает проф. Бенет, и дается наименование «дня» и «ночи».

И действительно — стоит только принять отделение света от тьмы во времени, а не в пространстве, как критическая мысль снова упирается в тот же самый тупик: как периоды света и

тьмы могли сменить друг друга, когда не было еще солнца?

Выходит, следовательно, что Бог, создав свет, отделил царство света от царства тьмы, причем первое назвал «днем», в смысле страны дня, а второе «ночью», в смысле страны ночи.

Это как в поэзии, где

южные страны называются иногда странами полудня.

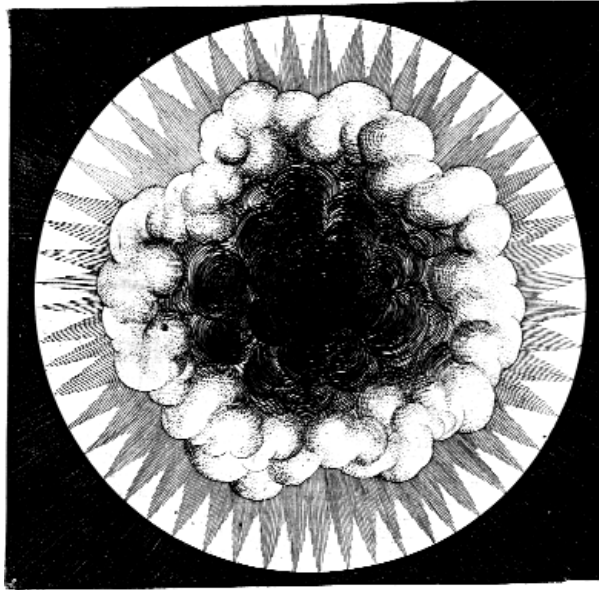
Итак, творение по Библии, так же как и по Кодзики, начинается с великого разделения владений единого хаоса на два мира — мир света и мир тьмы, которые не сменяют друг друга, а противостоят друг другу.

Название места появления богов — «Такама-но-хара», замечает проф. Цугита, «указывает на небо, хотя неба в то время еще не было».

Неба не было, но центр его был, на что указывает имя бога Аме-но-минака-нуса-ноками, каковое буквально значит: «Бог, властвующий над центром неба».

Само небо, в смысле небесного свода, появляется вместе с двумя следующими богами — столпами.

«Затем, когда страна была еще юна и похожа на плавающую каплю масла и имела подобие медузы, поднялось нечто, подобно ростку тростника, и появились из него боги, имена которых: Умаси-аси-каби-хико-дзино-ками, затем Аме-но-тако-тачи-но-ками...» Комментируя это место, проф. Цугита замечает, что «то вещество, которое, подобно тростнику из воды, быстро поднялось и образовало небо и было названо богом Умаси-аси-каби-хико-дзино-ками».

* Ильин. Шесть дней творения. 53. Paris: YMCA Press, 1930. (Здесь и далее прим. автора).

** Genesis. Edited by Prof. W.H.Benett. 76.

В связи с этим превращением страны света в страну неба — первые пять богов-одиночек и называются «особыми небесными богами» — Като-амацу-ками.

В Библии мы опять-таки встречаем тот же порядок творения:

«И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

И назвал Бог твердь небом...» (Быт. 1:7–8).

Неоформленное пространство, наполненное стихией света, получает видимые границы и замыкается в небесный свод, под которым еще клубится водная бездна.

Сходство можно продолжить дальше, ибо по Кодзики, под страной света, ставшей «равниной высокого неба», также находится бесформенная «плавающая страна», соответствующая библейской водной бездне. Это ясно из того факта, что боги Изанаги и Изанами мешали жезлом морскую воду, стоя на «Небесном Плавучем Мосту».

Вслед за «особыми небесными богами» появляется еще семь поколений богов, имена которых, по мнению проф. Цугита, основанному на изучении трудов старинных ученых Норинага и Асутанэ, указывают на «процесс постепенного затвердевания полужидкой земной массы и зарождения на ней жизни».

Так, шестой бог, из числа семи богов-одиночек, возникает путем обожествления вещества, предназначенного в дальнейшем стать землей.

Согласно своему имени — Куни-но-токотачи-но-ками, он представляет собой начало, образующее землю.

Следующий за ним бог Тоно-кумо-ну-но-ками указывает своим именем на состояние полужидкого вещества, начинающего сгущаться. Это бог, так сказать, самой первой стадии образования земли.

Дальше идут пять поколений парных богов, начинающихся богом Уидзи-ни-но-ками и богиней Суйдзи-ни-но-ками.

Боги эти говорят своими именами, что земля уже дошла до состояния болота и представляет собой месиво из тины и песка.

Боги Цунугуи-но-ками и Икугуи-но-ками указывают на момент, когда на земле уже началась растительная жизнь.

Здесь интересно отметить, что имя первого бога — Цунугуи означает появление «рогатого ростка», а имя богини Икугуи говорит о начале произрастания.

Следовательно, имена богов являются

не только персонификацией предметов творения, но и самой творческой и питающей энергии.

В этом смысле они вполне могут быть сопоставлены со словами Бога, с помощью которых в Библии создается мир, ибо слова эти, заключая в себе образующую энергию Творца, в то же

время указывают на существо создаваемого явления.

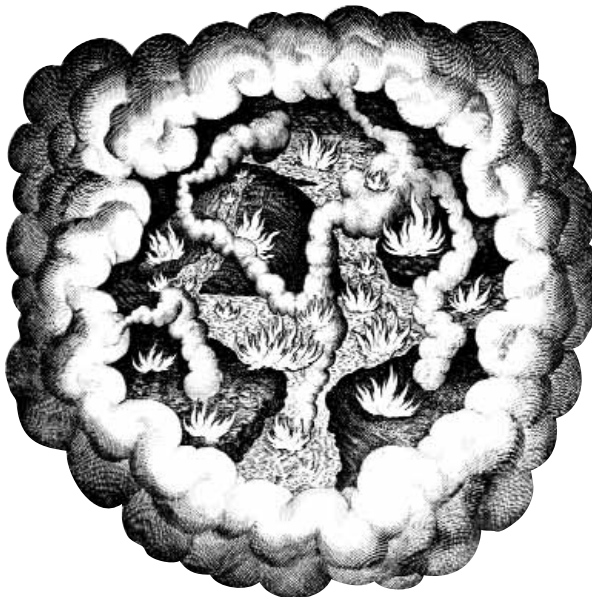
Далее идут боги Оото-но-дзи-но-ками и богиня Оото-но-бе-но-ками, имена которых говорят нам о полном затвердении земли.

Вслед за ними выступает предпоследняя божественная пара — бог Оматару-но-ками и богиня Ая-касико-не-но-ками.

Имя бога указывает на окончательное завершение процесса образования земли, а имя богини выражает чувство благоговейного восхищения зрелищем созданной земли.

И наконец, появляется божественная чета: Изанаги и Изанами, сами имена которых указывают на призывные возгласы, с которыми они обратились друг к другу при сочетании брачными узами. И вот тут возникает вопрос — к моменту выступления названных богов земля уже оказывается созданной, так какую же тогда землю они родят?

По-видимому, в предыдущем изложении шла речь о создании земли как планеты, или, лучше сказать, о рождении материков, роль же последней божественной пары сводится к рождению специально японских островов, на что ясно указывают сами их названия, сохранившиеся до настоящего времени.

Таким образом миф о творческой деятельности богов Изанаги и Изанами является как бы дополнением и развитием основного мифа о создании неба и земли.

Соединяя оба мифа Кодзики о происхождении земли, мы получим такой порядок творения: сперва происходит затвердение земли, затем на ней начинается растительная жизнь и под самый конец, благодаря производящей деятельности богини Изанами, поверхность ее заселяется разными живыми существами.

В Библии то же самое — после создания неба творится земля:

«И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша...

И назвал Бог сушу землею, а собрание вод морями». (Быт. 1: 9-10).

Вслед за своим появлением из первичной воды земля застилается растительным покровом, но животные, в отличие от японского мифа, рождаются на ней уже после создания солнца.

В Кодзики, после появления земли и окончательного отделения страны тьмы от страны света скалой Чибикки-ива, рассказывается о рождении небесных светил — солнца и луны.

Тот факт, что земля рождается раньше солнца, удивляет проф. Цуда, и он видит в этом влияние политических мотивов. Надо было сперва создать удел для потомков солнца, а затем уже и само солнце. Но вот в Библии, которую никак нельзя заподозрить в политике, мы имеем налицо ту же последовательность творения — в третий день создается земля, а в четвертый — солнце.

Дело в том, что это совпадение совсем не случайно, а обуславливается одинаковым взглядом обоих произведений на соотношения стихий света и тьмы.

Страна Такама-но-хара в Кодзики и страна «дня» в Библии являются царствами света только для самих себя, земля же, рождающаяся в стране тьмы и принимающая в свое нутро эту страну, подобно тому как небо объемлет пространство света, остается в тени. Конечно, если бы наименование «дня» и «ночи» в пятом стихе было присвоено эпохам, в силу чего свет и тьма периодически сменяли

бы друг друга, то и для земли, в определенный момент, наступила бы своя эпоха света.

Но благодаря пространственному разделению тьмы и света, земля оказывается обреченной на вечную ночь, и вот потому-то и создается солнце и притом именно после земли, чтобы ему было кому светить.

Значит, обособление света и тьмы в две противостоящие друг другу страны и является фактором, определяющим собой порядок творения как в Кодзики, так и в Библии.

Но почему же в таком случае в общем сходный порядок творения нарушается в рассказе о происхождении всего живого?

В Кодзики вместо людей всюду выступают боги. Первыми супругами на земле являются боги, а не люди.

Изанаги и Изанами — это японские Адам и Ева.

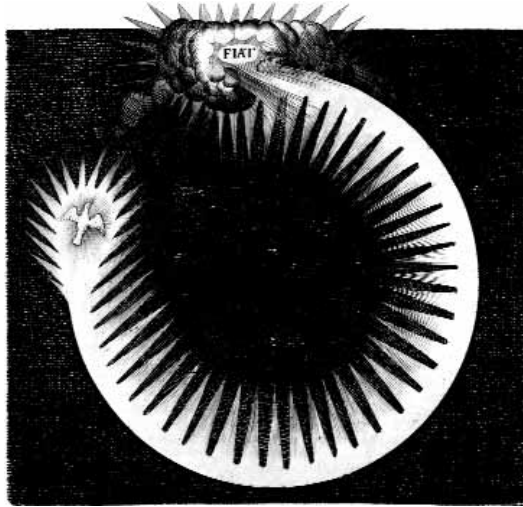
И так как боги, по самой своей природе, появляются раньше создания солнца, то естественно, что и рождение животного мира, предшествующее в Библии творению человека, переносится назад. Японский миф ничего не

знает о происхождении человека. Он подробно распространяется о рождении незначительного бога Хируко — водяной пиявки — от которого отказались даже сами родители, но совершенно умалчивает о появлении «венца творения» — человека. И это умолчание о человеке не дело случая, а обуславливается психологией древнего японца, связанной с его верой в небесных богов-предков, на почве которой и возникли Кодзики. Небесным потомкам, какими себя считали творцы японского мифа, было важно и необходимо знать дела своего небесного предка, а также обстоятельства исхода из него богов — предков, знание же происхождения человеческого рода имело для них второстепенное значение.

Поэтому, надо думать, библейский миф о первых людях и оказался обойденным в Кодзики.

Кодзики и Библия одинаково смотрят на рождение мира, но в то время как японский миф повествует о происхождении богов, Библия говорит о происхождении человека.

Теперь, в интересах наглядности, представим сравниваемый ход творения в двух столбцах — налево материал Кодзики, а направо — Библия.

КОДЗИКИ

1. В начале творения, когда еще не было ни неба, ни земли, в связи с появлением первых трех богов-творцов, совершается распад первичной, хаотической материи на мир света и тьмы — страны Такама-но-хара и Иоми.

2. Из недр полудикой массы, наполняющей страну Такама-но-хара, поднимается, подобно тростнику из воды, нечто и образует собой небо.

Таким образом, страна света Такама-но-хара становится вместе с тем и «равниной высокого неба».

3. Вслед за небом создается земля, причем местом ее рождения является страна тьмы. Вследствие этого страна Иоми, подобно стране Такама-но-хара, также получает свои своды, но только подземные.

4. Поверхность земли, как на то указывают имена богов Цунугуи-но-ками и Икугуи-но-ками, покрывается покровом.

5. На земле, благодаря рождающей деятельности богини Изанами, возникает органическая жизнь.

6. С изоляцией страны Иоми скалой Чибики-ива заканчивается процесс полного отделения страны света от царства тьмы, в связи с чем и рождаются небесные светила — солнце и луна.

7. Создав землю, боги-творцы восхищаются своим произведением, на что указывает имя богини Ая-касико-не-но-ками.

БИБЛИЯ

1. В начале, когда Бог творил небо и землю, и земля пребывала в хаотическом состоянии, Он создал свет, причем пространству света дал название «дня», а пространству тьмы — «ночи».

2. Над бесформенной водной массой поднимается «твердь», или небесный свод, вследствие чего царство «дня» получает видимые границы и становится небом.

3. После создания неба также творится земля, причем суша выделяется из водной бездны, находящейся под небом и, следовательно, принадлежащей к владениям страны «ночи».

4. Земля, по слову Бога, производит «зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плоды».

5. В Библии живые существа появляются на земле уже после создания солнца.

6. Создаются солнце и луна — «два светила великие», чтобы «светить на землю и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы».

7. Бог, создав мир, увидел все, «что Он создал, и вот, хорошо весьма».

Последовательность творения, как в Кодзиках, так и в Библии, в общем одинакова, но в каком отношении находятся между собой принципы творения — вот вопрос.

Проф. Цугита, комментируя миф о творении, полагает, что бог Аме-но-минака, пребывающий в центре неба в качестве его хозяина, является изначальным богом-творцом Вселен-

ной. Два следующие бога — Таками и Камимусуби представляют собой сверхчеловеческие сущности, в которых обожествляется зарождающая творческая сила главного бога.

И так как древний человек мыслил себе зарождающую силу двуначальной, то боги Таками и Камимусуби олицетворяют собой активное и пассивное начала того же бога.

Начала эти, по мнению проф. Цугита, соответствуют китайским началам — «Инь» и «Янь» — пассивному, женскому и активному мужскому, из взаимодействия которых, согласно космогонии Энандзы, возник «мир».

В дальнейшем комментатор приводит мнение проф. Танака, полагающего, что по Кодзики мир создан путем взаимодействия активного и пассивного начал бога Аме-но-минака.

Во втором стихе 1 главы Книги Бытия говорится, что «Дух Божий носился над водой».

Мережковский, комментируя это место, говорит: «носился», «опускался», как птица с распростертыми крыльями опускается, чтобы высидеть яйцо. «Дух Божий» — Ruach, Душа («душа» не то слово, но другого нет).

«Душа Божия «высиживала» мир из хаоса, как птица высидит яйцо».* В этом отрывке выражается мысль, обоснованию которой, собственно говоря, и посвящена вся книга «Тайна Трех», что Дух Божий — это женское начало в Боге.

Основанием для подобного истолкования понятия «Дух Божий» является употребленное в еврейском оригинале слово *Meqanehphet*, переданное по-русски выражением «носился».

Так, проф. Бенет замечает, что арамейский корень *Meqanehphet* указывает на птицу, сидящую на яйцах.

Конечно, «Дух Божий» сам по себе является деятельным началом, но по сравнению с работой слова роль Его пассивна.

Бог творит мир с помощью слова, как это хорошо сказано у Ездры: «Слово Твое исходило, и тотчас являлось дело.» (3 Ездры. 4: 43). Но,

исходя от Бога, слово, сообразно своему заданию, проникало в пучину хаоса, где и творило, разделяя и организуя самобытные стихии. Слово Бога — это безличный носитель Его творческой энергии, то деятельное, активное начало, которое и производит работу творения. И так как, кроме того, слово и Дух Божий одинаково обращены к бездне, то вполне можно сказать, что мир, по Библии, создается путем взаимодействия активного и пассивного начал Творца. Выходит, таким образом, что не только порядок творения в Кодзики и Библии одинаков, но и принципы творения сходятся.

Чтобы закончить наш сравнительный анализ, нам остается теперь только выяснить роль в творении мира последующих поколений богов. Проф. Цугита формулирует ее приблизительно так: все последующие боги, начиная с бога Умаса, дают картину постепенного образования Вселенной путем проявления творческой силы главных богов.

Имена творимых явлений переносятся на богов, вследствие чего порядок перечисления их имен указывает на последовательность моментов творения. Поэтому-то именно у этих богов нет никакой деятельности, о которой мож-

но было бы что-нибудь рассказать. Ко всему этому мы можем добавить от себя, что названные боги не есть личности, какими, например, являются боги Изанаги и Изанамии, а представляют собой лишь персонификацию толчков творческой энергии, исходящей от главного бога. В этом отношении их вполне можно сопоставить со словами Бога, с помощью которых, по Библии, творится мир.

Творческая энергия, исходя от Бога, облекается в форму слов, указывающих на предмет творения.

Творческая же энергия бога Аме-но-минака облекается в форму имен богов, что также говорит нам о характере создаваемых явлений. Все боги, будучи проявлениями творческой энергии главного бога, появляются, надо думать, в стране Такама-но-хара, что служит местом его пребывания.

Но, рождаясь там, на лоне бога центра небеса, они действуют в разных странах, сообразно своему назначению.

* Д.Мережковский. Тайна Трех. — Прага, 1925. — 344 с.

Так, боги Умаси и Аме-но-тако-тачи, появившись в стране света, в ней и остаются, творя небо из вещества этой страны.

Последующие же семь поколений богов, хотя и появляются также в стране Такама-но-хара, но действуют в стране тьмы, из вещества которой они и создают землю.

Поэтому, хотя они и проявляют себя в той среде, из которой родится земля, но все же их нельзя считать земными богами.

В полном согласии с изложенным стоит то обстоятельство, что боги Изанаги и Изанами впервые выступают на «Небесном Плавучем Мосту», с которого они создают маленький островок, куда затем и нисходят для утверждения бесформенной страны.

Выходит, следовательно, что как в Кодзики, так и в Библии, творческое начало посылается в среду хаоса, где оно и творит мир.

В результате мы видим, что последовательность творения, в общем, одинакова, сходится также взгляд на творение как на процесс взаимодействия активного и пассивного начал, и, наконец, замечается совпадение в самом способе творения, когда творческая энергия посылается в хаотическую среду.

И замечательно, кроме того, что если мы выделим бога Аме-но-минака как творца, то число остальных богов-одиночек окажется равным шести — числу дней творения библейского рассказа.

В общем, создается впечатление, что японский миф о творении развился из аналогичного библейского рассказа путем персонализации и обожествления слов Бога, с помощью которых творился мир.

В силу этого надо полагать, что первая половина японского мифа, до появления парных богов, является основной и более древней, чем последующий миф о богах Изанаги и Изанами.

Поэтому-то центральный миф Кодзики о низведении на землю души богини солнца, воплощенной в зеркало, находит себе аналогию в самом принципе творения мира путем излучения творческой энергии в соответствующую среду. Богиня Аматерасу создает японское государство, посылая на землю сво-

его потомка, подобно тому, как бог Аме-но-минака творит мир, посылая в среду хаоса свое творческое начало, облеченное в имена богов.

Таким образом, можно сказать, что небесные потомки, несущие с собой зеркало богини, соответствуют богам, заключающим в себе творческую силу главного бога.

Японское государство создается по образу и подобию творения мира — вот вывод, показывающий, что вся мифология Кодзики органически связана с мифом о творении, и что последний совсем не является позднейшей приставкой, как то полагает проф. Цугита.

II

В книге Бытия есть одно удивительное место, которое до такой степени противоречит всем нашим взглядам на природу, что богословы и ученые — исследователи

Библии или совсем его замалчивают, или говорят о нем вскользь, не углубляясь в существо предмета.

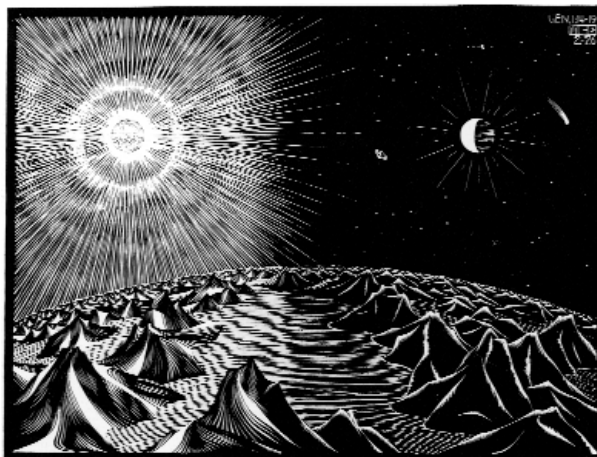
Мы имеем в виду рассказ о «растлении» земли, что побудило Творца насладиться на нее потоп:

«И воззрел Господь Бог на землю, — и вот она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6: 12).

Проф. Бенет, к труду которого мы не раз будем обращаться в настоящей статье, комментируя разбираемый стих, замечает: «всякая плоть», быть может, значит «все человечество», или, что менее вероятно, все живые создания». — «All flesh» may be «all mankind», or, less probably, all living creatures» (139).*

Выражение «всякая плоть» (по-еврейски «koll bassar», что буквально значит «всякое мясо»), настолько определено, и текст здесь настолько ясен, что вряд ли можно сомневаться в том, что речь идет и о «человечестве» и о «живых созданиях», короче говоря, о разращении всего органического мира, за исключением, конечно, водных обитателей, на которых страшное действие потопа не распространяется.

* The Century Bible. Edited by Prof. W.H. Bennett. London: New college and Hackney College.

«Всякая плоть извратила путь свой на земле» — это значит, что решительно все живые существа, населяющие землю, вышли из установленных для них границ и нарушили общий миропорядок. Поэтому-то вместе с людьми и обрекаются на погибель и животные:

«И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человеков до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их» (Быт. 6: 7).

Последние слова не оставляют никакого сомнения в том, что развращение приписывается не только людям, но и животным, ибо Бог выражает сожаление в том, что создал «них», то есть «человеков» и «гадов и птиц небесных».

Можно понять, что люди как существа разумные и одаренные при том свободной волей, могли вступить на путь греха и тем восстановить против себя Творца.

Но вот вопрос — как бессловесные твари могли «извратить путь свой» и повести себя так, что, как это говорится в стихе 13-м, «земля наполнилась от них злодеяниями»?

Буквальное понимание текста настолько кажется ни с чем несообразным, что обычно, просто-напросто, отмахиваются от него.

Так, церковь, в лице протоиерея Хераскова, говорит по этому поводу: «Зачем на истребление с человеком осуждается и тварь несмысленная. Поелику она была для человеческой потребности. Страдания неразумной твари должны были усугубить наказание тех, которые покорили ее суете своей, и соделать бедствие их более разительным и поучительным для потомства»*.

Поистине странное объяснение! Творцу приписывается им психология какого-то инквизитора, терзающего невинные жертвы на глазах виновных с тем, чтобы увеличить страдания последних — «усугубить наказание». Но не будем обвинять Творца в утонченной и ненужной жестокости, а примем буквальное понимание текста и допустим, что земля по-

страдала не только за грехи людей, но также и за «извращение пути» всех животных и вообще всего земного органического мира.

И вот как только мы это признаем, то увидим, что и у других народов имеются подобные религиозные предания. Так, в Кодзики, Иогото и Норито также встречается рассказ о хаосе, что охватил собой не только земных богов, но и проник в природу.

Бог Амено-Осио, наблюдая землю с небесного воздушного моста, замечает:

«В стране Пышно-го Тростника страшный беспорядок».

Затем он докладывает об этом богине Аматерасу. В Иогото («Слословие правителя страны Изумо») картина беспорядка на земле, о каком говорится в Кодзики, описывается более подробно. Вместо бога Амено-Осио там выступает его брат — бог Амено-Хохи (также родившийся из драгоценного ожерелья Аматерасу), который по поручению главных богов — Таками и Ками-мусуби производит разведку

того, что делается на земле — бог Амено-Хохи, раздвинув восемь гряд небесных облаков, облетел небо, облетел землю и оглядел все поднебесье, и возвратившись, принес ответ»...

Что касается самого доклада бога Амено-Хохи, то существуют разные его чтения, но мы приводим здесь наиболее распространенное, установленное проф. Цугита путем сопоставления теорий старинных комментаторов — Норинага, Мабучи и других.*

«Страна Тучного Тростника и Драгоценных Колосьев находится в беспорядке. Там есть боги, которые днем шумят и роятся, как мухи, а ночью сверкают, как огненные искры.

Там гомонят скалы и пни деревьев и синепенные воды. Но эта страна да будет усмирена и станет страной спокойствия, управляемой потомками неба».**

Прежде всего интересно отметить, что в обоих случаях беспорядок на земле наблюда-

* Проф. Цугита. Новые лекции о Норито (Norito sinkoo).

** Цитируем по рукописи-переводу японоведа М.П. Григорьева, что он любезно предоставил в наше распоряжение. Слословие правителя страны Изумо (Izumo kuni-no miyatsuko no kami Jogoto). Перевел М.П. Григорьев. Токио, 1931 г.

ется с небесной высоты, и что Библия, признавая общее растение земли, делает ударение на разращении органического мира, в то время как японский миф говорит о хаосе среди неорганической природы. Возможно, что это любопытное различие находится в связи с характером японского народа, который, как это известно, больше любит растения и камни, чем животных.

Богословы, как мы это указывали выше, обычно замалчивают библейский рассказ о беспорядке среди животных, японские же ученые, подобно проф. Цугита, определяют доклад бога Амено-Хохи как «метафорическое изображение беспорядка, царящего на земле».

Но возможен и другой взгляд, согласно которому картина беспорядка на земле представляется пережитком анимизма, что, по мнению проф. Дои, оказался подавленным почитанием богов-предков.

Стихии и животные обладают душой и потому, подобно земным богам и лю-

дям, могут сами выбирать ту или другую линию поведения. Но если это так, то спрашивается, что именно побуждает их нарушить миропорядок и присоединиться к крамольным земным богам, упорно отказывающимся подчиниться воле неба?

Дело в том, что хотя с окончанием творения мира хаос как одно великое целое и перестал существовать, но все же у его разведенных стихий, не бывших слитными в течение неизмеримого мириада веков, сохранилась тяга к смешению друг с другом, к возвращению на лоно первоначального, свободного бытия.

Но все же, быть может, сами они, вдвинутые в тесные рамки космических законов, не решились бы присоединить свои протестующие голоса к возбужденному говору земных богов, если бы не тайные влияния страны Иоми.

В начале творения, в связи с возникновением страны Такама-но-хара — колыбели небесных богов — образуется и ее антипод — страна Иоми. Ученые эпохи Токугава определяют ее как грязные выжимки хаоса, его негодные отбросы, что до известной степени

и верно, ибо в стране Иоми, в конце концов, соединяется все, что было в хаосе злого, строптивого и враждебного творческой деятельности богов. Кроме того, мириады злых богов, расплодившихся за время плача и бунта бога Сусаноо, примыкают к ней, составляя ее верное, земное воинство.

Таким образом, страна Иоми становится рассадником зла в мире, центром борьбы за его обратное возвращение к хаотическому первосостоянию.

Следы решительно всех междуусобиц, безобразий и столкновений, где бы они не происходили — на земле, под землей или на небе, неизменно упираются в страну Иоми и ведут к порогу жилища ее богов.

Это она мертвыми устами «Великой богини подземного мира» провозгласила вечную, непримиримую войну небесным богам, поручившим богу Изанаги творение мира.

Никто иной, как страна Иоми внушила богу Сусаноо, затмившему тучей своих безобразий сияющее

солнце, устроить скандал на небе, ибо он и поднялся туда из-за конфликта со своим отцом, изгнавшим его из сонма богов за плач по стране Нэно-Катасу, что является ни чем иным, как преддверьем той же страны вечной, непробудной ночи.

Черная рука богов Иоми чувствуется и в эпизоде с медведем, едва не погубившим своим взором Медузы всю армию императора Дзимму, ибо названное чудовище, поднявшись на помощь злым земным богам, появляется со стороны запада, где как раз расположен вход в эту крепость темных сил.

И не случайно, конечно, беспорядок на земле создается во время правления бога Оокуни-Нуси, прошедшего перед тем суровую школу в стране Нэно-Катасу и получившего власть от своего крамольного предка — бога Сусаноо.

Пользуясь его попустительством, она, надо полагать, и вооружила земных богов против неба и, проникнув в душу природы, пробудила в ней дремавшее влечение к хаосу. И вот стихии, когда-то игравшие на лоне хаоса, но затем разделенные и организованные богами в космический порядок, сбра-

сывают с себя бремя закона и начинают перекликаться друг с другом, готовясь к решительной схватке со своими небесными врагами.

Многоголосица буйных богов и стихий — это вызов охаосившейся земли сияющему, гармоничному небу.

Таким образом, можно сказать, что доклад бога Амено-Хохи являет собой не «метафорическое изображение беспорядка на земле», а картину восстания сил хаоса, выступивших вместе с земными и злыми богами против небесных богов.

Потому-то, как это рассказывается в Норито «об удалении богов несчастий», небо не ограничивается простым созерцанием хаоса на земле, а посылает туда своего рода карательную экспедицию, которая и наводит там порядок.

«И держали боги перед тем совет: кого бы из богов послать, чтобы рассеять и покорить буйных богов Страны Драгоценных Колосьев? И думали все боги и сказали: «Пошлем на покорение их бога Амено-Хохи». Так послали они его на землю, но он не вернулся с ответом. За ним послали бога Таке-Микума, но и тот последовал за отцом своим и не вернулся с ответом. Тогда послали бога Амэ-Вакахико, но он также не вернулся с ответом, но погиб на месте, получив возмездие через Небесную Птицу.

Тогда по велению Небесных Богов* опять держали совет, и были посланы на землю два бога — Фуцунси и Такеми-Казучи. И рассеяли они всех буйных богов и усмирили их и заставили умолкнуть гомонящие

* Здесь имеются в виду главные боги: Таками-мусуби и Ками-мусуби.

Редакция благодарит сотрудников Музея книги РГБ за помощь в подборе иллюстраций к данной статье.

В оформлении использованы гравюры из книги английского врача и философа Роберта Флудда «О космическом двуединстве» (Франкфурт, 1617) и работы голландского графика Маурица Эшера.

скалы и пни деревьев, и травы — вплоть до последнего листа.*

Как библейский рассказ о потопе и предшествовавшем ему хаосу на земле принимались древним человеком буквально, так, надо полагать, и бунт стихий и их усмирение — все это для современников Кодзики и Норито было не метафорой, не символическим сказанием, а страшным событием, получившим, по счастью, благополучный исход.

Перевоплотимся в душу древнего человека, и мы поймем, какую радость он должен был переживать, слушая молитвословие о том, как небесные боги предотвратили козни страны Иоми, помешав ей разгромить светлый мир и вернуть его в первобытное состояние угрюмого хаоса!

Итак, по Кодзики и Норито, причина беспорядка на земле восходит к созданию мира и кроется в самом способе его творения из хаоса.

И вот тут невольно возникает вопрос — не представляет ли собой «извращение пути» всякой плоти на земле, о каковом говорит книга Бытия, также проявление своего рода реакции сил хаоса?

Иначе говоря — не предполагает ли книга Бытия существование сил хаоса, враждебных Творцу и способных бороться с Ним за возврат всего мира к прежнему, хаотическому первосостоянию?

И если это так, то тогда потоп надо будет рассматривать не как наказание за грехи людей, не как случайное проявление Божьего гнева, а как своего рода роковую необходимость, возникшую на почве борьбы Творца с злыми силами хаоса.

* Норито об удалении богов, преследующих несчастиями. Перевел М.П. Григорьев. Токио, 1931 г. Цитируем по рукописи.